

Посвящается У. Дж. П.

1

— Какой белый сегодня лунный свет! — сказала Аня Блайт, обращаясь к себе самой. Она шла к парадной двери дома Дианы Райт по садовой дорожке, на которую, кружась в бодрящем, пахнущем морем воздухе, падали лепестки цветов вишни.

Она на мгновение остановилась, чтобы обвести взглядом холмы и поля, любимые ею с давних пор. Дорогая Авонлея! Глен святой Марии давно стал ее родным домом, но в Авонлее было то, чего не могло быть в Глене. Ее собственные призраки встречали ее на каждом шагу... поля, по которым она когда-то бродила, радостно приветствовали ее... незатихающие отголоски прежней милой жизни звучали вокруг... куда бы она ни взглянула, со всем были связаны какие-нибудь дорогие сердцу воспоминания. Тут и там в таких знакомых ей садах цвели душистые, яркие розы прежних лет. Аня всегда любила возвращаться домой в Авонлею — даже тогда, когда, как на этот раз, причина визита была печальной. Они с Гилбертом приехали на похороны его отца, и Аня осталась на неделю в Зеленых Мезонинах —

Марилла и миссис Линд ни за что не соглашались на то, чтобы она уехала от них так скоро.

Ее прежняя комнатка в мезонине всегда была приготовлена для нее, и, войдя в нее в вечер своего приезда, она увидела, что миссис Линд поставила там для нее большой, по-домашнему прелестный букет весенних цветов. Аня опустила в него лицо и почувствовала, что он хранит весь аромат незабываемых лет. Здесь, в этой комнатке, ее ждала та Аня, какой она была прежде. Давняя глубокая радость шевельнулась в ее сердце. Комнатка в мезонине приняла ее в свои объятия. Аня с нежностью и любовью смотрела на свою старую кровать, на одеяло с узором из листьев яблони, которое миссис Линд связала на спицах, и на безусловно белые наволочки, обшитые замысловатыми кружавчиками, которые миссис Линд связала крючком... и на плетеные коврики Мариллы на полу... и на зеркало, что когда-то отражало лицо маленькой сироты с гладким, без единой морщинки, детским лбом — сироты, которая, заплакавшись, уснула здесь в тот памятный первый вечер. И, забыв, что она счастливая мать пятерых детей и что в Инглсайде Сюзан Бейкер снова вяжет таинственные крошечные башмачки, Аня Блайт почувствовала себя Аней из Зеленых Мезонинов.

Она все еще глядела с мечтательной улыбкой в зеркало, когда в комнату вошла миссис Линд — она принесла чистые полотенца.

— Так приятно, Аня, когда ты снова дома, вот что я вам скажу. Вот уже девять лет с тех пор, как ты уехала, но мы с Мариллой по-прежнему скучаем о тебе. Правда, здесь не так одиноко с тех пор, как Дэви женился. Милли — чудесная крошка... Какие пироги она печет! Вот только любопытна донельзя... Но я всегда говорила и всегда буду повторять — другой такой, как ты, нет.

— Ах, миссис Линд, но это зеркало не обманешь. Оно говорит мне без обиняков: ты уже не та молоденькая девушка, какой была когда-то.

— Цвет лица у тебя сохранился прекрасный, — утешила миссис Линд. — Разумеется, ты никогда не была такой уж румяной...

— Во всяком случае, у меня еще нет даже намека на второй подбородок, — весело продолжила Аня. — И знаете, миссис Линд, я так рада, что моя старая комнатка помнит меня. Мне было бы очень больно, если бы когда-нибудь, вернувшись сюда, я поняла, что она меня совсем забыла. И это так чудесно — снова видеть, как над Лесом Призраков поднимается луна.

— Она похожа на громадный золотой шар, висящий в небе, правда? — заметила миссис Линд, чувствуя, что предается буйным поэтическим фантазиям, и радуясь, что ее не слышит Марилла.

— Вы только взгляните на те островерхие ели, темнеющие на ее фоне... и на березы в долине — как они все еще тянутся руками ветвей к серебристому небу. Теперь это большие деревья, а ведь они были совсем молоденькими, когда я впервые приехала сюда... От этого я и вправду чувствую себя немного постаревшей.

— Деревья, как дети, — вздохнула миссис Линд. — Просто невероятно — стоит повернуться к ним спиной, как они тут же вырастают. Взять хотя бы Фреда Райта — ему только тринадцать, а ростом он почти с отца... К ужину у нас горячая куриная запеканка, а еще я напекла для тебя моего лимонного печенья... Можешь смело ложиться в эту постель. Я проветрила простыни сегодня, но Марилла не знала об этом и проветрила их еще раз, а Милли, не зная, что все уже в порядке, сделала то же самое и в третий... Надеюсь, Мэри Мерайя

Блайт завтра наконец уедет — она всегда находит большое удовольствие в любых похоронах.

— Тетя Мэри Мерайя — Гилберт всегда называет ее тетей, хотя она лишь двоюродная сестра его отцу — неизменно обращается ко мне «Ануся», — содрогнулась Аня, — а когда увидела меня впервые после того, как я вышла замуж за Гилберта, сказала: «Очень странно, что Гилберт выбрал тебя, — вокруг было столько привлекательных девушек». Возможно, именно поэтому мне она так не нравится. И я знаю, что Гилберт тоже далеко не в восторге от нее, хотя он слишком привержен к своему семейству, чтобы признать этот факт.

— Гилберт задержится здесь?

— Нет. Ему придется вернуться в Глен завтра вечером. Из-за похорон отца он покинул пациента в критической стадии болезни.

— Конечно, почти ничто не держит его в Авонлее, с тех пор как в прошлом году умерла его мать. Старый мистер Блайт так и не оправился после ее кончины — считал, что лишился всего, ради чего стоило бы жить. Блайты всегда были такими — слишком привязанными к земному. Право, становится грустно, как подумаешь, что никого из них не осталось в Авонлее. Такая замечательная старая семья! Но зато Слоанов здесь сколько угодно. Слоанами они всегда были, Слоанами и останутся — на веки вечные, аминь.

— Сколько бы ни было здесь Слоанов, я все равно выйду после ужина погулять по старому саду при луне. Потом мне, вероятно, все же придется лечь в постель — хотя я всегда считала, что спать в лунную ночь значит зря терять чудесное время, — но я непременно проснусь пораньше, чтобы увидеть, как первый робкий утренний свет забрезжит над Лесом Призраков. А потом небо станет коралловым, и вокруг будут порхать малиновки...

может быть, на подоконник опустится маленький серый воробышек... и в саду засверкают золотом и аметистами анютины глазки...

— А всю клумбу июньских лилий съели кролики, — с грустью сообщила миссис Линд, спускаясь тяжелой поступью по лестнице. Она испытывала тайное чувство облегчения оттого, что не надо больше говорить о луне. Аня всегда была чуточку странной в этом отношении. И надежда на то, что с возрастом она изменится, уже не казалась оправданной.

Диана шла по дорожке навстречу Ане. Даже в тусклом лунном свете было видно, что ее волосы по-прежнему черны, щеки румяны, а глаза яркие. Впрочем, лунный свет не мог скрыть и того, что она стала немного полнее, чем в прежние годы, — а Диана никогда не была из тех, кого в Авонлее называют тощими.

— Не беспокойся, дорогая, я лишь на минутку...

— Как будто *это* могло меня обеспокоить! — Диана взглянула на нее с упреком. — Ты же знаешь, я гораздо охотнее провела бы вечер с тобой, чем идти на этот свадебный ужин. Я еще не нагляделась на тебя, не наговорила с тобой, а послезавтра ты уже уезжаешь. Но женится брат Фреда... ты же понимаешь, мы не можем не пойти.

— Конечно, конечно. Я забежала только на минутку... Знаешь, Ди, я прошла нашей старой дорогой... мимо Ключа Дриад... через Лес Призраков... мимо твоего тенистого старого сада... мимо Плача Ив. Я даже остановилась, чтобы посмотреть на перевернутые отражения ив в воде, как мы всегда делали в детстве... Они так выросли.

— Все растет, — вздохнула Диана. — Я вижу это, стоит лишь мне взглянуть на младшего Фреда! Мы все

так изменились — кроме тебя. Ты ничуть не меняешься. И как ты умудряешься оставаться такой стройной? А взгляни на меня!

— Почтенная замужняя особа! — засмеялась Аня. — Но тебе пока удастся избежать той полноты, что характерна для среднего возраста, Ди. Что же касается меня... К примеру, миссис Доннел того же мнения, что и ты. Она сказала мне на похоронах, что я ничуть не изменилась. Однако миссис Эндрюс с тобой явно не согласна. *Она* сказала: «Ну и ну, Аня, до чего же ты постарела!» Все зависит от глаз — или от сознания — того, кто смотрит на нас. Я чувствую, что немного постарела, лишь когда разглядываю иллюстрации в журналах. Изображенные на них герои и героини рассказов и повестей начинают казаться мне *слишком* молодыми. Но это пустяки, Ди, завтра мы снова будем юными девушками. Я пришла именно затем, чтобы сказать тебе это. Во второй половине дня мы возьмем выходной и посетим все наши любимые места — все до одного. Мы пройдем по весенним полям и через заросшие папоротниками леса. Мы увидим все, что когда-то радовало нас, и на старых знакомых холмах снова найдем нашу юность. Ничто не кажется невозможным весной, ты же знаешь. На полдня мы перестанем чувствовать себя родителями, взрослыми ответственными людьми и сделаемся такими легкомысленными, какой миссис Линд в глубине души считает меня. Право же, нет никакого удовольствия в том, чтобы быть здравомыслящими все время.

— Как это на тебя похоже! Я очень хотела бы прогуляться, но...

— Никаких «но». Я знаю, ты думаешь: «А кто же подаст ужин мужчинам?»

— Не совсем так... Анна Корделия может разогреть ужин и подать на стол не хуже меня, хотя ей только

одиннадцать, — сказала Диана с гордостью. — Да ей и в любом случае предстояло заняться этим завтра — я намеревалась пойти на собрание благотворительного общества... Но не пойду. Я пойду с тобой. Это будет сбывшейся мечтой. Знаешь, Аня, по вечерам я часто сажусь у окна и представляю, что мы опять маленькие девочки. Я возьму с собой ужин для нас...

— И мы съедем его в саду Эстер Грей... Я надеюсь, он еще существует?

— Полагаю, что так, — сказала Диана не совсем уверенно. — Я ни разу не была там с тех пор, как вышла замуж. Анна Корделия много гуляет по окрестностям, но я всегда предупреждаю ее, что она не должна уходить слишком далеко от дома. Она любит бродить по лесам. А однажды, когда я отругала ее за то, что она разговаривает сама с собой в саду, она сказала, что говорила не с собой, а с духом цветов. Помнишь кукольный чайный сервиз, разрисованный крошечными розовыми бутонами, который ты прислала ей на ее девятилетие? Он весь цел, ничего не разбито — она такая аккуратная. Она достает его только тогда, когда к чаю приходят Три Зеленых Человечка. Никак не могу добиться от нее ответа на вопрос, кто они такие, по ее мнению. Должна признаться, что в некоторых отношениях, Аня, она гораздо больше похожа на тебя, чем на меня.

— Быть может, имя имеет гораздо большее значение, чем предполагал Шекспир¹. Не досадуй на Анну Корделию, Диана, пусть фантазирует! Мне всегда бывает жаль детей, которые не провели несколько лет в сказочной стране.

На лице Дианы отобразилось сомнение.

¹ Намек на цитату из трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

— В нашей школе сейчас работает учительницей Оливия Слоан. Она бакалавр гуманитарных наук, а на должность в Авонлее поступила потому, что хочет в этом году быть поближе к дому, чтобы помогать матери по хозяйству. Так вот она говорит, что детей надо заставлять смотреть в лицо фактам.

— Неужели я дожила до того, что слышу от тебя, Диана, речи в поддержку идей, проникнутых слоанностью?

— Нет, нет! Оливия мне совсем не нравится. У нее такие круглые выпуклые и неподвижные голубые глаза, как у всех в их семействе. И я ничуть не против того, чтобы Анна Корделия фантазировала. Ее фантазии красивы — так же, как твои детские фантазии. Я думаю, что жизнь со временем принесет ей вполне достаточно «фактов».

— Итак, решено. Приходи к двум часам в Зеленые Мезонины, и мы выпьем немного смородиновой настойки — Марилла по-прежнему иногда делает ее, несмотря на неодобрение священника и миссис Линд, — выпьем чуть-чуть... просто для того, чтобы почувствовать себя чертовски отчаянными.

— Помнишь, как ты напоила меня этой настойкой допьяна? — звонко засмеялась Диана. Слово «чертовски» не вызвало у нее никаких возражений, хотя это непременно случилось бы, если бы его употребил кто угодно, кроме Ани. Все знали, что Аня на самом деле не имеет в виду ничего *такого*. Просто это ее манера выражаться.

— Завтра, Ди, мы устроим настоящий день воспоминаний. А сейчас не буду тебя дольше задерживать. Вот и Фред с бричкой. У тебя прелестное платье.

— Фред настоял на том, чтобы я сшила новое платье для этой свадьбы. Я считала, что мы не можем позволить себе такой расход сразу после постройки нового

амбара, но Фред заявил, что не желает, чтобы среди разодетых в пух и прах гостей его жена выглядела как бедная родственница, которую пригласили, а ей даже не в чем было прийти... Все они такие, эти мужчины, правда?

— Ты говоришь совсем как миссис Эллиот из Глена, — строго заметила Аня. — Будь начеку — это опасная тенденция. Разве ты хотела бы жить в мире, в котором совсем нет мужчин?

— Это было бы ужасно, — призналась Диана. — Да, да, Фред, иду!.. Хорошо, сейчас!.. Ну тогда до завтра, Аня.

На пути домой Аня задержалась у своего любимого старого ручья. Все звонкие переливы ее детского смеха, которые он когда-то уловил, теперь вновь издавали его журчащие воды, словно зная, что она вслушивается в их плеск. Ее старые мечты — она, казалось, видела их отражение в чистом прозрачном потоке, — старые клятвы, старые секреты... ручей хранил их все, они звучали в его бормотании, но некому было слушать, кроме мудрых старых елей Леса Призраков, елей, так долго внимавших этим звукам.

2

— Такой прелестный день — как по заказу, — сказала Диана. — Боюсь только, что такая погода ненадолго, завтра будет дождь.

— Не беда! Мы уьемся его красотой сегодня, даже если его солнечному свету предстоит померкнуть завтра. Мы насладимся нашей дружбой сегодня, даже если нам предстоит расстаться завтра. Взгляни на те длинные золотисто-зеленые холмы, на те туманно-голубые долины. Они *наши*, Диана. И если тот, самый отдаленный, холм внесен во все реестры как владение Эбнера Сло-

ана, меня это ничуть не заботит, — сегодня этот холм *наш*. Дует западный ветер — меня всегда манят приключения и дали, когда ветер дует с запада, — и нас ожидает великолепная прогулка.

Прогулка действительно оказалась великолепной. Они вновь посетили все старые, дорогие сердцу места. Тропинка Влюбленных, Лес Призраков, Приют Праздности, Долина Фиалок, Березовая Дорожка, Хрустальное Озеро... Все оставалось на своих местах, но были и перемены. Молоденькие березки, что росли кружком в Приюте Праздности, где находился домик для игр, превратились в большие высокие деревья; Березовая Дорожка, по которой давно никто не ходил, совсем заросла папоротниками; Хрустальное Озеро исчезло — на его месте осталась лишь сырая замшелая впадина. Но Долина Фиалок была лиловой от нежных цветов, а дикая яблоня, найденная когда-то Гилбертом в глубине леса, стояла огромная, развесистая, густо усыпанная крошечными, ярко-красными на концах бутонами.

Они шли с непокрытыми головами. Анины волосы все еще блестели в лучах солнца, как полированное красное дерево, и кудри Дианы все еще были глянцевитыми и черными. Подруги обменивались веселыми и понимающими, теплыми и дружескими взглядами. Иногда они говорили, иногда шли в молчании... Аня всегда утверждала, что два человека, столь близкие между собой, как она и Диана, могут читать мысли друг друга. Чаще всего в их разговоре звучали разные «а помнишь». «А помнишь день, когда ты провалилась в сарайчик девиц Копп на дороге Тори?» — «А помнишь, как мы прыгнули на спящую тетю Джозефину?» — «А помнишь наш литературный клуб?» — «А помнишь визит миссис Морган, когда ты накрасила нос красной краской?» — «А помнишь, как мы сигналили друг другу из окна

вспышками свечи?» — «А помнишь, как мы веселились на свадьбе мисс Лаванды и какие громадные голубые банты были у Шарлотты Четвертой?» — «А помнишь Общество Содействия Развитию Авонлеи?» Им казалось, что они почти слышат раскаты своего прежнего смеха, эхом повторяющегося через годы.

Общество Содействия Развитию Авонлеи, судя по всему, прекратило свое существование. Оно распалось вскоре после Аниной свадьбы.

— Они не могли энергично продолжать начатое дело. Молодежь в Авонлее теперь не та, что в *наши* дни.

— Не говори так, будто «наши дни» миновали, Диана. Сегодня нам лишь пятнадцать, и мы родственные души. Воздух не просто полон света — он сам и есть свет. Я не поручусь, что у меня не начинают расти крылья.

— У меня такое же чувство, — заявила Диана, забыв, что в это утро потянула на весах сто пятьдесят пять фунтов¹. — Мне часто хочется ненадолго превратиться в птицу. Было бы так чудесно немного полетать.

Всюду вокруг них была красота. Неожиданные краски сверкали в темной глубине лесов и горели на манящих тихих тропинках. Сквозь молоденькую листву пробирался весенний солнечный свет. Со всех сторон неслись веселые трели птиц. То и дело на пути попадались неглубокие лощины, где возникало такое ощущение, словно купаешься в пруду жидкого золота. На каждом повороте в лицо ударял какой-нибудь бодрящий весенний запах — то пряный аромат папоротников, то благоухание бальзамической пихты, то здоровый запах свежевспаханых полей. Здесь была и дорожка, задрапированная цветами диких вишен, и старый луг, поросший крошечными елочками, что совсем недавно

¹ Более 70 кг.